БИБЛІОГРАФІЯ.

Разсказы И. А. Бунина.

Ив. Бунинъ, Крикъ, Разсказы, Берлинъ 1921 г., Книгоиздательство «Слово».

Изъ десяти разсказовъ И. А. Бунина, вошедшихъ въ только что выпущенный книгоиздательствомъ «Слово» сборникъ подъ общимъ заглавіемъ «Крикъ», восемь развертываютъ рядъ картинъ изъ жизни русской деревни. Картины эти совсѣмъ не походятъ на общепринятыя представленія о крестьянствѣ. Въ нихъ мало отраднаго. Самъ авторъ сознается, въ своемъ предисловіи, что онъ писалъ ихъ, жалуясь страшась за судьбу Россіи. И дѣйствительно нельзя было не страшиться. То, что разсказываетъ Бунинъ о деревенской Россіи, — нужно замѣтить, что его разсказы написаны въ 1911—12 г.г.,—свидѣтельствуетъ, какой обособленной и замкнутой съ тѣмъ какой тяжкой жизнью она жила уже тогда, когда на поверхности все было спокойно, какъ много было въ ней болѣзненныхъ зародышей, такъ будто распустившихся чрезъ нѣсколько лѣтъ...

Бунинъ далекъ въ своихъ разсказахъ отъ какой бы то ни было тенденціи. Онъ подходитъ къ своимъ сюжетамъ исключительно, какъ художникъ. Онъ любовно выписываетъ каждую деталь, необходимую для картины, но этимъ его отношеніе къ рисуемой имъ средѣ и исчерпывается. Даже въ формѣ разсказовъ, если не считать рѣзко выраженнаго индивидуальнаго стиля и вдохновенныхъ описаній природы, нѣтъ ничего личнаго. Въ своихъ деревенскихъ разсказахъ авторъ самъ остается совершенно внѣ изображаемой среды и никогда не выходитъ изъ роли безразнаго для читателя наблюдателя. Но съ тѣмъ большей законченностью обрисовываетъ онъ дѣйствующихъ лицъ. Онъ умѣетъ не только охарактеризовать ихъ, но также глубоко заглянуть въ душу, проникнуться ихъ мыслями, чувствами и настроеніями.

Разсказы Бунина, какъ ни разнообразны ихъ темы, какъ будто дополняютъ другъ друга, сливаясь въ стройное цѣлое. Кромѣ единства стиля въ нихъ есть и внутренняя связь: во всѣхъ нихъ, на фонѣ крестьянскаго быта, изображается извѣчная борьба человѣка съ судьбой. Побѣждаютъ въ этой борьбѣ только сильные, дѣльные и безсердечные. Они по крайней мѣрѣ сами довольны собой. Остальные погибаютъ. Погибаютъ отъ самыхъ разнообразныхъ причинъ: одинъ отъ жажды подвига (Захаръ Воробьевъ), другіе въ угарѣ страстей (Игнатъ), третьи отъ безысходнаго гомлонія (Веселый Дворъ). Житейскія будни смѣняются только разгуломъ, драками и убійствами. Просвѣта нѣтъ.

Ключемъ къ всѣмъ остальнымъ разсказамъ Бунина въ настоящемъ сборникѣ является до извѣстной степени удивительно яркій и выпуклый очеркъ «Ночной разговоръ». Его содержаніе не сложно. Юный гимназистъ, увлекающійся сближеніемъ съ «народомъ», отправляется ночью съ рабочими стеречь хлѣбные вороха. Вплоть до этой ночи все шло прекрасно. «Всѣхъ людей гимназистъ, какъ онъ думалъ, хорошо узналъ за лѣто, но всѣмъ по раз ему пришлось, у всѣхъ тому или другому выучился, воспринимая ихъ говоръ, совершенно, какъ оказалось, не похожій на говоръ мужиковъ книжныхъ, ихъ неожиданныя, нелѣпыя, но твердыя умозаключенія, однообразіе ихъ готовой мудрости, ихъ грубость и добродушіе, ихъ работоспособность и нелюбовь къ работѣ. И уѣхавши послѣ каникулъ въ городъ и на другое лѣто уже не вернувшись къ увлеченію мужицкой жизнью, онъ весь свой вѣкъ думалъ-бы, что отлично изучилъ русскій народъ, — если-бы случайно не завязался между работниками въ эту ночь длинный откровенный разговоръ».

Что-же это былъ за разговоръ? Безстыжій молодоженъ Пашка, который обыкновенно разсказывалъ подробности о своей супружеской жизни, на этотъ разъ разсказалъ, какъ онъ, будучи на военной службѣ убилъ пытавшагося бѣжать изъ подъ стражи арестованнаго грузина. Разсказалъ со вкусомъ и смакомъ. Растевоженный этимъ разсказомъ, другой рабочій, Федотъ, съ такой-же непринужденной простотой повѣдалъ, какъ онъ убилъ человѣка «изъ-за конѣ своей». Третій рабочій, Иванъ, дополнилъ это повѣствованіе разсказомъ о томъ, какъ крестьяне отмстили забодавшему нѣсколькихъ человѣкъ помѣщичьему быку, тѣмъ, что ободрали его живьемъ. Всѣ эти разсказы, преподносимые мѣрно и спокойно, безъ всякаго сознанія въ ихъ внутреннемъ содержаніи, произвели въ душѣ гимназиста полный переворотъ. «Глухой отъ стука собственнаго сердца... онъ во всѣ глаза глядѣлъ на всѣхъ этихъ такихъ знакомыхъ и такихъ чужихъ, непонятныхъ, всю душу его перевернувшихъ въ эту ночь людей». А люди эти, въ свою очередь, мало понимали его. «Ты по можешь этого дѣла понимать, — говорилъ ему одинъ изъ рабочихъ, ты своимъ домомъ жить-то еще не пробовалъ, а за мамашей жить — это всякій проживетъ».

Впечатлѣніе, производимое разсказами Бунина на читателя до крайности похоже на впечатлѣнія гимназиста отъ этихъ ночныхъ разговоровъ. Вмѣсто трафаретнаго представленія о деревенской жизни раскрывается что-то совсѣмъ другое, еще невѣдомое, все получаетъ другой, жуткій смыслъ.

Появленіе разсказовъ И. А. Бунина въ свое время навлекло на него рядъ горькихъ упрековъ. «Какъ дивились, негодовали на мои «черныя, жестокія, неправдоподобныя краски», — пишетъ онъ самъ въ предисловіи къ сборнику, «слѣпыхъ, добрыхъ не хотѣли видѣть»... И вслѣдъ за тѣмъ онъ прибавляетъ: «Увы, теперь мнѣ уже нѣтъ надобности оправдываться».

Да, оправдываться Бунину не приходится. За истекшее время мы стали смотрѣть другими глазами. И теперь кажется непонятнымъ, какъ можно было не видѣть всего того, что и тогда уже такъ отчетливо обрисовывалось передъ проникновеннымъ взоромъ художника.

П. Ш.

Переговоры Австрійскаго императора о сепаратномъ мирѣ.

Всѣмъ еще памятна сенсація, произведенная весной 1918 года сообщеніемъ Клемансо о предложеніи, сдѣланномъ австрійскимъ императоромъ Карломъ съ цѣлью добиться сепаратнаго мира съ Антантой. Принцъ Сикстъ Бурбонъ-Пармскій, шуринъ императора Карла, бывшій посредникомъ при этихъ переговорахъ, опубликовалъ книгу объ ихъ исторіи. Какъ видно изъ подробнаго изложенія въ «Neue Freie Presse», переговоры велись очень долго, съ осени 1916 года до конца лѣта 1917 г.

Непосредственно послѣ начала войны императоръ Францъ Іосифъ разрѣшилъ по холатайству престолонаслѣдника Карла Сиксту и его брату Ксавье выѣхать изъ Австріи и поступить въ ряды французскихъ войскъ. Французскія власти однако не допустили Бурбонскихъ принцевъ въ ряды французской арміи, точно также отказалась принять ихъ и Англія, и они тогда, черезъ посредство ихъ двоюродной сестры, королевы бельгійской, получили разрѣшеніе вступить въ бельгійскую армію.

20 января 1916 года оба принца отправились къ Мартену, занимавшему по тѣ начальника церемоніальной части, и передали ему записку о возможности завязать сношенія съ австрійскимъ дворомъ, въ которомъ есть два теченія: одно — подчиненное прусскому вліянію, выразителемъ котораго былъ верховный главнокомандующій австро-венгерской арміи эрцгерцогъ Фридрихъ, а другое — къ которому примыкаетъ престолонаслѣдникъ Карлъ. Сикстъ указывалъ Мартену, что попытку побудить Австрію заключить сепаратный миръ можно будетъ сдѣлать непосредственно по кончинѣ Франца Іосифа, смерть котораго, ожидалась со дня на день. Бурбонскій принцъ сообщилъ свои планы нѣкоторымъ французскимъ государственнымъ людямъ, въ томъ числѣ и Фрейсино, который его познакомилъ съ Бріаномъ, бывшимъ тогда премьеромъ.

Императоръ Францъ Іосифъ умеръ 21-го ноября 1916 года и уже 28 ноября принцъ Сикстъ явился въ французское министерство иностр. дѣлъ къ Жюлю Камбону, который сказалъ ему, что Франція связана опредѣленными обязательствами со своими союзниками. Италія должна получить Тріестъ и Трентино, Румынія — Трансильванію, Сербія — Боснію и Герцоговину. Ослаблять же Австрію въ большей мѣрѣ, чѣмъ этими уступками, Франція не желаетъ, и Камбонъ даже считалъ возможнымъ вернуть Австрію и Силезію, такъ какъ главная задача войны заключается въ ослабленіи Пруссіи. 5-го декабря новый австрійскій императоръ сообщилъ принцу Сиксту слѣдующую программу, которая могла служить почвой для дальнѣйшихъ мирныхъ переговоровъ: заключеніе тайнаго перемирія съ Россіей; возвращеніе Эльзасъ-Лотарингіи Франціи; возстановленіе Бельгіи; созданіе юго-славянскаго королевства изъ Босніи, Герцоговины, Сербіи, Албаніи и Черногоріи; уступка Константинополя Россіи. Объ этомъ шагѣ императора Карла тогдашнему австро-венгерскому министру иностранныхъ дѣлъ Буріану ничего не было извѣстно. 21 февраля 1917 года Сикстъ получилъ письменное предложеніе австрійскаго императора пріѣхать въ Вѣну. Тѣмъ временемъ на мѣсто Буріана былъ назначенъ Чернинъ.

3-го марта 1917 года принцъ Сикстъ былъ у Пуанкара, который призналъ предложеніе императора Карла пріемлемой почвой для новыхъ переговоровъ, но замѣтилъ, что будетъ очень трудно удовлетворить Италію, хотя, впрочемъ, Антанта только обѣщала итальянцамъ Тріестъ, но не гарантировала его Италіи и союзники не обязаны возмѣстить Италіи за то, что она не смогла собственными силами завоевать Тріестъ. Что касается Австро-Венгріи, то интересамъ Франціи, сказалъ Пуанкаръ, соотвѣтствуетъ не только сохраненіе Австріи, но и усиленіе ея за счетъ Германіи путемъ присоединенія, напримѣръ, Силезіи или Баваріи. Пуанкаре сообщилъ Бріану о предложеніяхъ Сикста. 8-го марта Сикстъ снова былъ у Пуанкара, который ему предложилъ отправиться въ Россію и передать царю письмо съ предложеніями императора Карла. Но 13-го марта Николай II вынужденъ былъ отречься отъ престола.

23 марта принцъ Сикстъ и его братъ Ксавье были уже въ Австріи во дворцѣ въ Лаксенбургѣ. При личномъ свиданіи императоръ Карлъ сказалъ, что необходимо во что бы то ни стало заключить миръ. Австрія постарается побудить Германію согласиться на справедливый миръ. Если же Германія будетъ продолжать стремиться къ побѣдѣ, Австрія придется заключить сепаратный миръ. «Мы не можемъ больше сражаться за прусскаго короля».

Принцъ Сикстъ вернулся въ Парижъ, привезъ туда извѣстное письмо императора Карла и 31 марта снова былъ принятъ Пуанкаре. Тѣмъ временемъ во главѣ кабинета вмѣсто Бріана сталъ Рибо. Его нерѣшительности Сикстъ приписываетъ въ значительной степени неудачу переговоровъ. Изъ Парижа Сикстъ поѣхалъ въ Лондонъ, гдѣ Ллойдъ Джорджъ отнесся къ предложеніямъ императора Карла довольно сочувственно и высказалъ мысль, что все таки можно будетъ заключить сепаратный миръ съ Австріей, если она согласится дать «Италіи что нибудь», напр., Тренто и нѣкоторыя далматическіе острова.

8-го мая Сикстъ снова былъ въ Люксембургскомъ дворцѣ, въ присутствіи Чернина излагалъ Карлу положеніе дѣла, которое онъ считалъ благопріятнымъ въ виду отношенія Франціи и Англіи къ вопросу о сепаратномъ мирѣ. Чернинъ сказалъ, что французы сильно ошибаются, полагая что Австрія всецѣло въ рукахъ Германіи. Это совершенно не вѣрно, и теперь, когда Австрія освобождена отъ русской опасности, она располагаетъ количествомъ свободныхъ дивизій, достаточнымъ для того, чтобы внушить уваженіе кому угодно». Въ этой же бесѣдѣ Чернинъ, который былъ страшно раздраженъ противъ Румыніи, настаивалъ на томъ, что Австрія должна ее аннектировать, на что Карлъ, смѣясь отвѣтилъ: «Нѣтъ, нѣтъ, оставимъ румынъ, если мы ихъ аннектируемъ, я буду вынужденъ назвать оно одинъ языкъ». Принцъ Сикстъ вернулся изъ Австріи съ новымъ письмомъ Карла и потой Чернина.

Однако въ дальнѣйшемъ принцъ Сикстъ никакихъ успѣховъ добиться не могъ, что онъ приписываетъ въ значительной степени тому, что Сонино, не хотѣлъ идти на уступки систематич. отказывался сойтись съ французскими и англійскими государственными людьми для обсужденія итальянско-австрійскаго вопроса. Въ своей послѣдней бесѣдѣ съ Сикстомъ, Ллойдъ Джорджъ сказалъ про Сонино: «онъ не является, очевидно, онъ что то чуетъ». А затѣмъ скоро во главѣ французскаго правительства оказался Клемансо и веденіе дальнѣйшихъ переговоровъ стало невозможнымъ.

И. Л.

Объ Эросѣ.

Огненно-красный цвѣтокъ. Ром. Іоганнесъ Линнанкоски пер. съ финскаго кн-во «Библіонъ».

33 кинематографическія картины на тему о любви, объ Эросѣ, о донъ-жуанствѣ составляютъ книгу Іоганнесъ Линнанкоски. Стиль разсказа, начиная съ названій 33 главъ и особенно въ описаніяхъ жизни природы, распѣвающій людскія дѣла, вмѣстѣ съ экранной мудростью вродѣ: «не обманывай никого, и что обѣщаешь—исполни, къ какому бы сословію не принадлежалъ человѣкъ», и даже иллюстрированіе лентой, не дѣлаютъ книгу большимъ произведеніемъ, — но и все это не можетъ замутить дыханія чистаго Эроса, ибо о любви здѣсь говоритъ подлинный художникъ. И свидѣтельствуетъ объ этомъ не только болѣе или менѣе удачные поэтическіе образы и картины, какъ прекрасны, напр., образы плывущихъ черезъ рѣку юноши и дѣвушки и образъ молодой матери, но и то, что все-таки часто художникъ переводитъ читателя «черезъ границу будничной жизни въ міръ сказокъ и приключеній, гдѣ все свободно и священно».

Горой романа Олафъ выходитъ «навстрѣчу любви не съ псалтыремъ и катехизисомъ въ рукахъ» — и это есть основное устремленіе его жизни. Если есть канонъ любви, то онъ дѣйствительно только въ одномъ: въ напряженности духа, въ огнѣ, въ страсти до экстаза, до «обморка» («Упоеніе» въ страстяхъ у Пушкина и «Идіотъ» Достоевскаго). Но въ то же время есть въ любви безчисленные оттѣнки, неисчерпаемое богатство степеней и формъ. Здѣсь лежитъ «объясненіе» скитальчества въ любви Олафа, его донъ-жуанства, пусть малаго, но искренняго. Поэтому и ему каждая страсть сулитъ возможную полноту. Донъ-Жуанъ говоритъ Донѣ Аннѣ:

Съ тѣхъ поръ
Какъ васъ увидѣлъ я, все измѣнилось.
Мнѣ кажется, я весь переродился.

Душевный голодъ утоляетъ страсть, вспыхивающая въ самомъ человѣкѣ самовластно, но присущимъ ей законамъ, но она и гаснетъ сама. Отсюда смѣна желаній, новыхъ страстей, когда, какъ будто обманутый, голодъ разгорается сильнѣй, отсюда чередованіе отвлекательныхъ загораній и темныхъ угасаній.

Въ каждой любви подспудная сила ея, подспудное тяготѣніе создаютъ ее такой безконечно отличной отъ другой. Каждая любовь имѣетъ свою «потаенную исторію» и часто какъ-то связывается съ другой любовью въ одномъ сердцѣ, сплетаясь порой съ подвигомъ, со святостью и какъ будто съ чѣмъ-то «совсѣмъ — другимъ», но съ другимъ ли? вотъ вопросъ. Разнѣ «день» и «ночь» не составляютъ одного человѣка? «И природѣ далъ Богъ эѳіи, утреннюю и вечернюю, тьму и свѣтъ, звѣзды и солнце, миріады тѣхъ и это одно... И конечно — все равно: но ничто худо»—говорилъ одинъ русскій мыслитель. И не такъ ли съ любовью? Есть большая продолжительность въ любви, чѣмъ быть можетъ въ самой жизни. Бѣдный сердцемъ не можетъ загорѣться восторгомъ и потухшій не можетъ не пылать, но онъ не властенъ продлить свое горѣнье, сроки уменьшены. Еще сильнѣй волнуютъ возможныя любви, если онѣ даже и никогда не сбываются, оставаясь только какимъ-то міромъ абсолютно-дальнимъ и загадочно непослѣднимымъ, но угадываемымъ и раскрываемымъ только при свѣтѣ внезапно вспыхнувшаго сердца. Совсѣмъ почти не разгадываема любовь женщины (въ романѣ проходитъ цѣлый рядъ разныхъ женщинъ, но каждая со своей тайной сердца), ибо ея любовь всегда является какъ-бы «заповѣдью» самой религіи и ея очарованью и сила, ея обязательность въ нарственномъ героизмѣ и безкрайной жертвенности. И не даромъ категорія обязательности такъ часто подвергается укору и чуть-ли не приравнивается грѣху. И можетъ быть для женской любви, какъ для многихъ любившихъ Олафа, только и есть, что красота силы. Очевидно въ силѣ но меньшая тайна, чѣмъ «мудрость» и «святость», ибо суть силы тоже въ очарованіи. Олафъ знаетъ: «мы мужчины сильны какъ львы, но слабая дѣвушка одною прядью волосъ можетъ увлечь насъ хотя бы на гибель». Онъ понимаетъ также и то, какъ сила горечи любви давитъ слабыя женскія плечи. Да и для него самого, утомляющагося многими страстями, тяжела борьба со своимъ прошлымъ за свою новую жизнь.

Гаснуть быть можетъ огненная стихія, умираетъ Эросъ, — и трагедіи нѣтъ, если